

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

Том 2. Пламя и Пепел

Ярослав Северцев

Восставший из пепла

Том 2 Пламя и Пепел

<https://litres.ru/74418697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация:

Он выжил. Он стал сильнее. Но прошлое не отпускает.

Михаил Потемкин, изгнанный из рода и принявший в себя пепел древнего мага, наконец-то нашёл своё место в Академии Чёрного Клена. Но покой длится недолго. Враг, которого он считал поверженным, возвращается с новой силой — и на этот раз за ним стоят не просто обида, а могущественные покровители, готовые стереть изгоя с лица земли.

Потеряв всё, что успел обрести, Радогор Безымянный вновь вынужден бежать. Но теперь у него есть цель — найти союзников среди тех, кто тоже отвергнут империей, и разбудить в себе силу, которая может либо спасти его, либо уничтожить изнутри.

На пути через дикие земли, полные оборотней и древних тайн, ему предстоит сделать выбор: остаться человеком или стать оружием, которое боится даже он сам.

Война только начинается. И пепел, оставшийся от прошлого, всё ещё хранит жар

Содержание

ГЛАВА 1: «ВЫЗОВ»	4
ГЛАВА 2: «ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ»	17
ГЛАВА 3: «ЦЕНА ГОРДЫНИ»	26
ГЛАВА 4: «ТРЕЩИНА»	33
ГЛАВА 5: «ДОНОС»	39
ГЛАВА 6: «НОВЫЙ ВРАГ»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ярослав Северцев

Восставший из пепла

Том 2 Пламя и Пепел

ГЛАВА 1: «ВЫЗОВ»

Радогор стоял у окна в своей комнате и смотрел на закат. Небо над Академией Чёрного Клена горело багровым — таким же, как кровь, которую он пролил в Змеином лесу. Три дня прошло с той охоты. Три дня, как он поглотил ликотроф медведя двадцатого уровня и стал сильнее. Три дня, как внутри него поселилась новая сила — тягучая, горячая, медленная, как дыхание древнего зверя, спящего в берлоге.

Он сжал кулак и посмотрел на свои пальцы. Мышцы на руках стали плотнее, рельефнее. Не намного — тело Михаила всё ещё было тощим, подростковым, недоразвитым проклятыми отварами, которыми его пичкали в детстве. Но изменения были заметны. Медвежья сила не давала ему просто так раздавить камень, но добавляла жёсткости ударам. Теперь, если он вкладывался по-настоящему, кости могли хрустнуть. Его собственные — тоже. Он чувствовал это каждой клеткой.

Но страх тоже чувствовал.

«Шереметьев вернулся», — напомнил Михаил внутри. Его голос был тихим, испуганным. Он всегда становился таким, когда речь заходила о врагах из высших родов.

«Я знаю», — ответил Радогор.

Он знал. Слухи разлетелись по Академии в тот же вечер, когда Шереметьев переступил порог главных ворот. Парень шёл с высоко поднятой головой, в новом мундире с золотым шитьём, и за ним, на полшага позади, маячил сухой, как жердь, человек в чёрном. Наставник, которого прислал Верховный князь. Личный учитель для сына.

Радогор приняхался, вспоминая тот вечер. Запах Шереметьева изменился. Раньше от него пахло железом, потом и дешёвым маслом для волос — обычный студент, самоуверенный, но пустой. Теперь от него шёл запах магии, прокалённой, острой, как лезвие, только что вытащенное из горна. И ещё что-то новое — землистая нота, приторно-сладкая, как перегной. Шереметьев не просто тренировался с наставником. Он принял ликотроф. И не один.

«Он поднял уровень, — сказал Михаил. — И он хочет твоей смерти. При всех. Он поклялся».

— Он слаб, — вслух сказал Радогор, и голос его прозвучал ровно, без дрожи.

Но внутри, где-то глубоко, в той части сознания, которую он не контролировал до конца, шевельнулось сомнение. Он видел Шереметьева на построении. Видел его походку — изменившуюся, более тяжёлую, уверенную. Видел его глаза —

они больше не были наглыми, как раньше. Они стали холодными, расчётливыми.

«Ты недооцениваешь его, — подумал Михаил. — Ты всегда недооцениваешь тех, кто ниже тебя по рождению. Но он уже не ниже. Он принял ликотрофы. У него был месяц. У тебя — только твоя память и медвежья сила».

Радогор промолчал. Он не любил признавать правоту, особенно когда она исходила от мальчишки, которого он считал слабым.

Сзади скрипнула дверь.

Радогор обернулся. На пороге стоял Корней Всеволодович. Старик выглядел уставшим — под глазами залегли тени, лицо было серым, как пепел. Он вошёл, закрыл за собой дверь и сел на единственный стул, стоявший у стены, даже не спросив разрешения.

— Ты знаешь, зачем я пришёл, — сказал он.

Радогор кивнул.

— Шереметьев официально вызвал тебя на дуэль. Завтра на полигоне. При всех студентах и преподавателях. Князь Разумовский дал разрешение, потому что не мог отказать Верховному.

— Я приму вызов.

— Нет, — жёстко сказал Корней Всеволодович. — Ты откажешься.

Радогор посмотрел на старика долгим, спокойным взглядом. Внутри зашевелилось раздражение — он не привык,

чтобы ему приказывали. Даже те, кто помогал ему.

— Почему?

— Потому что он сильнее тебя.

— Я убил медведя двадцатого уровня.

— Ты добил его, пока Сабуров держал его внимание. Ты поглотил его ликотроф, потому что он уже был мёртв. Ты не дрался с ним один на один. — Корней Всеволодович качнул головой. — А Шереметьев за месяц поднялся с пятнадцатого до восемнадцатого ранга. Он принял три ликотрофа. Огненные, земляные — боевые. Его наставник — Василий Долгорукий. Ты слышал это имя?

Радогор помолчал. Имя было знакомым. Долгорукие — старый род, один из тех, кто стоял у истоков империи. Василий Долгорукий был магом сорок пятого уровня, личным наставником Верховных детей, когда те достигали совершеннолетия. Говорили, что он ни разу не проиграл бой за последние тридцать лет. И если он взялся обучать Шереметьева, значит, Верховный князь вложил в сына не просто деньги — он вложил свою репутацию.

— Долгорукий научил его технике, которой нет в учебниках, — продолжил старик. — Сочетание огня и земли. Он использует землю как катализатор для огня — раскаляет её, а потом взрывает. Это смертельно на короткой дистанции. Если он подойдёт к тебе ближе чем на пять шагов, он сможет разорвать тебя изнутри.

— Я не подпущу его на пять шагов.

— Ты не сможешь этого гарантировать. Он быстрее, чем был. Я видел его тренировку сегодня утром. Он двигается так, будто у него вместо глаз — второе зрение. Долгорукий научил его чувствовать противника через магический фон.

Радогор сжал челюсть. Внутри, на задворках сознания, Михаил дрожал — он помнил Шереметьева по родовому поместью. Помнил его кулаки, его насмешки, его власть. Но Радогор не был Михаилом. Он был тем, кто прошёл через сотни смертельных боёв.

— Я не откажусь, — сказал он. — Если я откажусь, меня сочтут трусом. Шереметьев получит право требовать моего изгнания. Верховный князь давит на Разумовского — он уже сделал это один раз, сняв обвинения с сына. Если я проявлю слабость, меня вышвырнут. И тогда я потеряю всё.

— А если ты проиграешь?

— Я не проиграю.

— Ты уже проиграл. — Корней Всеволодович встал, подошёл к окну, встал рядом с Радогором. — Ты проиграл, когда решил, что твоя гордыня важнее твоей безопасности. Я видел это раньше, мальчик. Ты думаешь, что память о прошлой жизни делает тебя неуязвимым. Но у тебя тело шестнадцатилетнего подростка, которое кормили отварами для подавления магии. У тебя есть медвежья сила, но её едва хватает, чтобы выдержать удар. У тебя есть молния, но она спит, потому что ты боишься её выпустить на людях. И ты собираешься выйти против мага восемнадцатого ранга, который

тренировался с лучшим наставником империи.

Радогор молчал. Слова старика были острыми, как осколки стекла. Он не привык слышать правду в таком виде. В прошлой жизни никто не смел говорить ему такое — он был сотого ранга, он был богом, он мог уничтожить любого, кто посмеет усомниться в его силе.

Но сейчас он не был богом. Он был изгнанником, который притворялся студентом.

— Я поговорю с Сабуровым, — сказал Корней Всеволодович, разворачиваясь к двери. — Попрошу его отменить дуэль. Скажу, что ты не восстановился после охоты.

— Не надо.

— Я сказал, что сделаю это.

— Не надо, — повторил Радогор, и в голосе его появилась сталь. — Я приму вызов. И я выиграю.

Корней Всеволодович остановился у двери, не оборачиваясь. Долгая пауза повисла в комнате, такая густая, что её можно было резать ножом. Потом старик тихо, почти беззвучно, вздохнул.

— Ты дурак, — сказал он. — Такой же дурак, каким я был в твои годы. Я тоже думал, что могу победить любого, если достаточно сильно захочу. Я тоже ошибался.

Он вышел, и дверь за ним закрылась с тихим щелчком.

Радогор остался один.

Он стоял у окна, смотрел на закат, и внутри него, под рёбрами, рядом с сердцем, медленно ворочалась фиолетовая

молния. Он чувствовал её — не как силу, которую можно призвать в любой момент, а как зверя, который спит, но готов проснуться. Она была там, и она могла спасти его завтра. Если он решится её выпустить. Если он решится раскрыть свою тайну перед сотней студентов и преподавателей.

Но если он выпустит молнию, он станет целью для всех Верховных родов. Его будут ловить, резать, пытаться. Он знал это — Радогор Безымянный видел, что случается с теми, кто обладает редкой силой. Их уничтожали. Или делали оружием. И то, и другое означало конец свободы.

«Ты не должен её использовать, — сказал Михаил. — Ты должен победить без неё».

«Я знаю».

«У тебя есть медвежья сила. Ты сильнее физически, чем был месяц назад. Твоя техника — лучше. Ты можешь победить его просто за счёт опыта».

«Могу».

«Но ты боишься».

Радогор не ответил. Потому что Михаил был прав. Он боялся. Не Шереметьева — его он боялся меньше всего. Он боялся собственной гордыни, которая заставляла его принимать вызовы, даже когда он знал, что не готов. Он боялся, что его прошлая жизнь, его память, его опыт — всё это окажется бесполезным перед обычным магом восемнадцатого ранга, который просто лучше подготовлен.

За окном стемнело. Звёзды начали загораться одна за дру-

гой. Где-то в коридоре хлопнула дверь, раздались голоса студентов, смех. Обычная ночь в Академии.

А завтра — дуэль.

Радогор отошёл от окна, лёг на кровать и закрыл глаза. Он не собирался спать. Он собирался думать.

В прошлой жизни он победил сотого уровня, потому что никогда не сомневался в себе. Он шёл вперёд, ломая всё на своём пути, не оглядываясь, не жалея. Но в прошлой жизни у него были ресурсы: лучшие зелья, лучшие наставники, бесконечные ликотрофы, которые добывали для него охотники. Он был князем, у него была власть, деньги, армия.

Сейчас у него не было ничего, кроме памяти и тела, которое он пытался восстановить из руин.

«Я не могу проиграть, — сказал он себе. — Если я проиграю, всё, что я построил, рухнет. Академия вышвырнет меня. Корней Всеволодович отвернётся. Сабуров не сможет помочь. Долгорукий будет иметь право уничтожить меня».

Но даже когда он думал это, в глубине сознания, где-то очень далеко, шевелился страх. Не его — тот, который он подавлял каждый раз, когда думал о завтрашнем дне. Страх Михаила. Страх мальчика, который вырос в тени старшего брата и сильного дяди, который никогда не верил в себя.

«Завтра я покажу ему, кто я на самом деле», — сказал Радогор вслух. И он почти поверил в это.

Ночь прошла в тягучем, беспокойном полусне. Он видел сны, в которых дрался с Шереметьевым, но вместо победы

чувствовал, как его тело ломают, как рвутся каналы, как молния внутри гаснет и превращается в пепел. Он просыпался в поту, ловил воздух ртом, смотрел в тёмный потолок и снова закрывал глаза.

К утру он устал больше, чем после любой тренировки.

Когда первые лучи солнца скользнули в окно, он встал. Умылся холодной водой. Надел чистый мундир — тот самый, чёрный, с серебряным кленовым листом. Проверил кинжалы — оба были на месте, один за голенищем правого сапога, второй — в потайном кармане на поясе.

Он вышел из комнаты и пошёл в сторону полигона.

Коридоры были пусты — слишком рано. Но когда он вышел во двор, увидел, что студенты уже собираются. Сотни. Может быть, больше. Все хотели посмотреть на бой между изгоем Потемкиным и наследником Верховного князя Шереметьева.

— Идёт, — прошептал кто-то в толпе.

— Смотри, какой бледный. Боится, наверное.

— А ты бы не боялся? Против Шереметьева? У него теперь личный наставник от Верховных.

Радогор шёл сквозь толпу, и она расступалась перед ним. Не от уважения — от любопытства. Они хотели увидеть, как он упадёт. Или как он победит. И то, и другое было интересно.

Он вышел на полигон.

Шереметьев уже ждал его в центре. На нём был новый

мундир — чёрный, но с золотой вышивкой на вороте и рукавах. Кленовый лист на груди блестел золотом, словно его только что отполировали до блеска.

Святослав улыбнулся, когда увидел Радогора. Улыбка была не наглой, как раньше. Она была уверенной. Спокойной. Хищной.

— Ты пришёл, — сказал он, когда Радогор остановился в десяти шагах от него. — Я думал, ты сбежишь.

— Я не бегаю.

— Ты уже бегал. Из своего рода. Из своей земли. Ты всегда бегаешь, когда чувствуешь слабость.

Радогор ничего не ответил. Он чувствовал запах Шереметьева, который изменился до неузнаваемости. Теперь это был запах не просто студента — запах мага, который прошёл через серьёзную подготовку. Пахло землёй, пеплом, и ещё чем-то кислым, резким — магией, которая копилась в груди, готовая выплеснуться наружу.

— Ты убил моего наёмника, — сказал Шереметьев, понижая голос так, чтобы слышал только Радогор. — Я знаю, что это ты. Ты не просто нюхач — ты убийца. Но я докажу это всем. Когда я раздавлю тебя на этом полигоне, твоя тайна умрёт вместе с тобой.

— Ты не раздавишь меня, — спокойно сказал Радогор.

— Посмотрим.

В стороне, у ворот полигона, стоял князь Разумовский. Рядом с ним — Сабуров и Корней Всеволодович. Старик

смотрел на Радогора так, будто хотел крикнуть ему, чтобы он остановился, пока не поздно. Сабуров стоял с каменным лицом, сложив руки на груди. Он не верил в победу, но и не пытался остановить.

— Дуэль, — объявил один из преподавателей, старый маг с седой бородой. — Святослав Шереметьев против Михаила Потемкина. Без магии смерти. Победитель определяется по сдаче противника или по невозможности продолжать бой.

Шереметьев усмехнулся.

— Без магии смерти, — повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Ты слышал, нюхач? Я не убью тебя. Я оставлю тебя живым. Чтобы ты мучился.

— Начинайте, — сказал преподаватель.

Шереметьев двинулся первым.

Он не стал тратить время на разведку — просто рванул вперёд, быстрее, чем ожидал Радогор. В прошлый раз, на тренировке, он был медленным, грузным, неуклюжим. Сейчас он двигался так, будто земля сама толкала его вперёд, ускоряя шаги.

Радогор едва успел уйти в сторону.

Удар, который должен был прийтись ему в грудь, прошёл мимо, но воздух, сжатый магией, обжёг щёку. Радогор почувствовал, как сила Шереметьева гуляет вокруг него, как невидимая паутина. Магия земли, смешанная с огнём. Долгорукий научил его не просто бить — он научил его окружать противника.

Второй удар пришёл снизу. Радогор подпрыгнул, уходя от земляного шипа, который вырвался из земли прямо у него под ногами. Он приземлился, откатился в сторону и вскочил, выхватывая кинжал.

— Ты быстрый, — сказал Шереметьев, не останавливаясь.
— Но быстрый — не значит сильный.

Он взмахнул рукой, и земля вокруг Радогора вспучилась, превращаясь в волну грязи и камней. Радогор отскочил, но не успел — осколок камня врезался ему в плечо, разорвав мундир и кожу.

Боль была острой, реальной. Он стиснул зубы и бросился вперёд, сокращая дистанцию.

Ближний бой. Его единственный шанс.

Но Шереметьев не позволил ему приблизиться. Он использовал землю как щит — стена грязи взметнулась перед ним, отражая удар кинжала. Радогор ударил снова, с другой стороны, но стена следовала за движениями Шереметьева, закрывая его, как живой панцирь.

«Он не даёт тебе подойти, — сказал Михаил. — Он держит дистанцию».

«Я знаю».

Радогор попробовал обойти Шереметьева с фланга, но земля взорвалась у его ног, отбрасывая его назад. Он упал, ударился спиной о землю и потерял кинжал. В тот же миг Шереметьев оказался рядом.

Он не стал бить магией. Он ударил ногой — просто, грубо,

с размаху — в рёбра Радогору. Удар был страшным. Медвежья сила помогла выдержать его, но рёбра всё равно хрустнули, и воздух вышибло из лёгких.

— Что, нюхач? — спросил Шереметьев, наступая на его грудь. — Где твоя крутость? Где твоя техника? Ты думал, что сможешь победить меня?

Радогор попытался встать, но Шереметьев придавил его ногой, и он не мог двинуться. Боль в рёбрах была невыносимой.

— Сдавайся, — сказал Шереметьев громко, чтобы все слышали. — Скажи, что ты слабак. Скажи, что ты никто.

Радогор смотрел на него снизу вверх. Внутри, под рёбрами, ворочалась молния. Она была там, готовая вырваться, готовая уничтожить этого наглого щенка, который смел поднять на него руку.

Но если он выпустит её, всё будет кончено.

Он не мог.

— Сдаюсь, — сказал он.

Тишина повисла над полигоном. Шереметьев на секунду замер, не веря своим ушам. Потом рассмеялся — громко, победоносно, так, чтобы слышали все.

— Ты слышали? — крикнул он, обращаясь к толпе. — Нюхач сдался! Потемкин сдался!

Радогор лежал на земле, смотрел в небо и чувствовал, как горечь поражения заполняет его изнутри.

Он проиграл.

ГЛАВА 2: «ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ»

Радогор не помнил, как добрался до лазарета. Боль в рёбрах была такой, что сознание плыло, разрываясь между реальностью и густым, вязким туманом, в котором не было ни времени, ни пространства. Он помнил только обрывки: чьи-то руки подхватили его, когда Шереметьев убрал ногу; он помнил, как Сабуров навис над ним с каменным лицом; он помнил, как Корней Всеволодович, бледный, как полотно, что-то шептал, накладывая блокировку на его каналы.

И ещё он помнил запах Шереметьева. Запах победы. Кислый, сладковатый, приторный — он заполнил его лёгкие и остался там, как ядовитый осадок, который не вытравить ничем.

Очнулся он в лазарете. Комната была маленькой, с высоким узким окном, затянутым бычьим пузырём, и пахло здесь травами, воском и чем-то горьким — лекарствами, которые Корней Всеволодович готовил для пациентов. На тумбочке у кровати стояла глиняная кружка с мутной жидкостью. Рядом — пустой пузырёк.

Радогор попытался приподняться, но рёбра отозвались такой болью, что он рухнул обратно на подушку. Воздух вышибло из лёгких, и несколько секунд он лежал, хватая ртом

воздух, как рыба на берегу.

— Лежи, — раздался голос справа.

Он повернул голову. В кресле у стены сидела Варвара. Она выглядела усталой — под глазами залегли тёмные круги, волосы были небрежно заплетены в косу, на коленях лежала раскрытая книга, которую она, видимо, читала, пока он спал.

— Ты здесь, — сказал Радогор. Голос его был сухим, хриплым, как будто он не пил несколько дней.

— Третий день сижу, — ответила она. — Корней Всеволодович разрешил. Сказал, что тебе нужен кто-то, кто будет следить, чтобы ты не свалился с кровати и не сломал себе ещё что-нибудь.

— Третий день? — Он попытался вспомнить, что было после дуэли, но в голове был провал. Только боль, темнота и запах победы. — Что случилось?

— Ты проиграл, — сказала Варвара. Сказала просто, без осуждения, как о факте, который не требует комментариев. — Шереметьев сломал тебе два ребра. Одно из них пробило лёгкое. Корень Всеволодович едва успел наложить блокировку, чтобы ты не захлебнулся кровью. Ты был в беспмятстве почти двое суток.

Радогор закрыл глаза. Воспоминания вернулись — быстрые, болезненные, как осколки стекла. Он вспомнил, как Шереметьев наступил ему на грудь. Как он сказал «сдаюсь». Как смеялась толпа.

— Он оставил меня живым, — сказал он тихо.

— Да. — Варвара закрыла книгу, отложила её в сторону. — Он мог убить тебя. Все знают, что он мог. Но он не стал. Он сказал, что хочет, чтобы ты мучился. Чтобы все видели, что нюхач не способен даже на достойную смерть.

Радогор ничего не ответил. Он смотрел в потолок и пытался понять, что чувствует. Боль была. Унижение — тоже. Но внутри, где-то глубоко, в той части сознания, которую он не контролировал, был холод. Пустота. Он проиграл. Он, Радогор Безымянный, достигший сотого ранга, убивший тысячи врагов, проиграл мальчишке, который ещё три месяца назад был слабым, бездарным выскочкой.

«Я недооценил его, — подумал он. — Я думал, что опыт победит всё. Я думал, что моей техники достаточно».

«Ты был горд, — ответил Михаил. — Горд и самоуверен. Ты не принял всерьёз предупреждения Корнея Всеволодовича. Ты думал, что ты непобедим».

«Я был непобедим».

«Был. Триста лет назад. Сейчас ты — слабый подросток с повреждёнными каналами и медвежьей силой, которой едва хватает, чтобы выдержать удар. Ты не имеешь права быть гордым».

Радогор стиснул зубы. Слова Михаила были горькими, но они были правдой.

— Шереметьев объявил, что ты больше не будешь участвовать в занятиях по боевой магии, — продолжила Варвара. — Он сказал, что если ты появишься на полигоне, он слома-

ет тебе ноги, чтобы ты не мог ходить. Сабуров промолчал. Не защитил тебя.

— Я не ждал защиты.

— Я знаю. — Варвара вздохнула. — Корней Всеволодович сказал, что ты на месяц отстранён от тренировок. Твои рёбра должны срастись, лёгкое — восстановиться. Пока ты не поправишься, ты не сможешь даже нормально дышать, не то что драться.

— Я знаю, — повторил Радогор.

Он попытался сесть снова, но боль в рёбрах была слишком сильной. Он рухнул на подушку, выругавшись сквозь зубы.

— Не геройствуй, — сказала Варвара. — Лежи. Корней Всеволодович сказал, что через неделю ты сможешь ходить. Через две — дышать полной грудью. Через три — может быть, начать тренировки.

— Три недели.

— Если повезёт. Если ты не будешь пытаться вставать раньше времени.

Радогор молчал. Три недели без тренировок. Три недели, пока Шереметьев будет становиться сильнее. Три недели, пока Долгорукий будет копать под него.

— Спасибо, что пришла, — сказал он.

Варвара посмотрела на него долгим взглядом. В её зелёных глазах была смесь усталости и сожаления.

— Я пришла не из жалости, — сказала она. — Я пришла, потому что ты нужен мне.

— Зачем?

— Шереметьев объявил, что все, кто общается с тобой, — его враги. Он сказал это публично, на построении. Теперь все, кто садится с тобой за один стол, рискуют попасть в немилость. Мне всё равно — я и так из увядающего рода. Но я хочу знать: ты собираешься сдаваться?

— Нет.

— Тогда тебе нужно восстанавливаться. Быстро. И готовиться к следующему разу.

Радогор посмотрел на неё. В её голосе не было сомнений. Она верила, что он сможет. Это было странно — он не привык, чтобы кто-то верил в него, кроме него самого.

— Я сделаю это, — сказал он. — Я стану сильнее. Я не проиграю во второй раз.

— Посмотрим, — сказала Варвара.

Она встала, поправила косу и взяла книгу.

— Мне нужно идти. У меня занятия по алхимии. Приду вечером, проверю, не умер ли ты.

— Я не умру.

— Я знаю. Ты слишком упрямый, чтобы умереть.

Она вышла, и дверь за ней закрылась с тихим щелчком.

Радогор остался один. Он лежал, смотрел в потолок и думал. О том, как он проиграл. О том, как он сдался. О том, как молния внутри него, которую он так боялся выпустить, осталась спящей, когда он нуждался в ней больше всего.

«Ты должен был использовать её, — сказал Михаил. —

Ты должен был уничтожить его».

«Если бы я использовал её, все узнали бы, — ответил Радогор. — Долгорукий понял бы, что у меня два аспекта. Меня бы поймали, разрезали на куски, изучили. Или я стал бы оружием Верховных. Это хуже, чем смерть».

«Но ты сдался. Ты сказал «сдаюсь». При всех».

«Я был не готов».

«Ты никогда не будешь готов, если будешь бояться».

Радогор закрыл глаза и попытался не думать. Но мысли лезли в голову, как черви в гнилое мясо. Он думал о Шереметьеве, о его улыбке, о его победе. Он думал о Корнее Всеволодовиче, который предупреждал его, но которого он не слушал. Он думал о Сабурове, который не защитил его, и это было больнее всего.

Сабуров, который тренировал его, который дал ему надежду, который сказал, что он станет сильным, — он молчал, когда Шереметьев топтал его ногами.

«Он предал тебя», — сказал Михаил.

«Нет, — ответил Радогор. — Он просто понял, что я не стою его усилий».

Это была самая горькая мысль.

Он лежал в тишине лазарета и ждал, когда боль утихнет. Когда станет легче. Когда он сможет встать и начать всё сначала.

Но внутри, в глубине груди, молния спала. И он знал, что пока она спит, он не сможет победить.

Прошла неделя.

Радогор восстановился быстрее, чем ожидал Корней Всеволодович. Рёбра срослись на пятый день — медвежья сила ускорила регенерацию. Лёгкое перестало кровоточить на третий. Он уже мог сидеть, дышать полной грудью и даже ходить по комнате, опираясь на стену.

Но он не выходил в коридор. Не потому, что не мог, а потому что не хотел видеть лица студентов. Он знал, что они скажут. «Нюхач проиграл». «Нюхач сдался». «Нюхач слаб».

Он не был готов к этому.

Корней Всеволодович приходил каждый день. Приносил зелья, проверял каналы, молчал. Старик не читал нотаций — он просто делал своё дело, и этого было достаточно.

— Ты выжил, — сказал он на седьмой день, осматривая грудь Радогора. — Это главное.

— Я проиграл, — ответил Радогор.

— Ты выжил, — повторил старик. — Это главное. Всё остальное — поправимо.

— Шереметьев стал сильнее.

— Он станет ещё сильнее. Ты должен быть готов к этому.

— Я готов.

— Ты не готов. — Корней Всеволодович посмотрел на него долгим взглядом. — Ты боишься своей молнии. Ты боишься её использовать, потому что не знаешь, что будет. И пока ты боишься, ты будешь проигрывать. Это правило, ко-

торое не работает только для тех, кто не боится ничего.

— Я не боюсь.

— Ты врёшь. И себе, и мне. Если бы ты не боялся, ты бы использовал её в дуэли. Но ты не использовал. Ты предпочёл проиграть, чем раскрыть свою тайну. Это страх, мальчик. Прими это. Только приняв его, ты сможешь победить.

Радогор молчал. Старик был прав, и это было невыносимо.

— Что мне делать? — спросил он.

— Восстанавливайся. Тренируйся. И не лезь в драку, пока не будешь готов. — Корней Всеволодович встал, собрал пузырьки. — И запомни: Шереметьев — не твой главный враг. Твой главный враг — это твоя гордыня. Пока ты будешь думать, что ты непобедим, ты будешь проигрывать.

Он вышел. Радогор остался один.

Он смотрел в окно на закат и думал о том, что старик сказал.

«Гордыня, — повторил он про себя. — Моя гордыня».

«Он прав, — сказал Михаил. — Ты слишком много думаешь о том, кем ты был, и слишком мало о том, кто ты сейчас. Ты был богом. Сейчас ты — изгой. Это не одно и то же».

«Я знаю».

«Если ты хочешь победить, ты должен начать думать как изгой. Как тот, у кого нет ничего, кроме его ума и его воли. Ты должен стать тем, кто не боится проиграть, потому что ему уже нечего терять».

Радогор закрыл глаза.

Он не знал, сможет ли он стать таким. Но он знал, что если он не изменится, он проиграет снова. И в следующий раз Шереметьев не оставит его в живых.

ГЛАВА 3: «ЦЕНА ГОРДЫНИ»

Вторую неделю в лазарете Радогор провёл в тишине, почти без движения. Сначала он пытался вставать, но рёбра ещё не срослись до конца, и при малейшей нагрузке в груди начинала пульсировать острая, дергающая боль, которая сбивала дыхание. Тогда он прекратил попытки. Просто лежал, глядя в потолок, и слушал, как за окном шумят деревья, как где-то в коридоре хлопают двери, как голоса студентов — их смех, их шепот — то нарастают, то затихают, словно прибой.

Он слышал всё. Ольфактория, её презренный дар, который когда-то считался уделом прислуги и ищеек, теперь работала с пугающей чёткостью. Он слышал дыхание Варвары, когда она сидела у его кровати. Он слышал сердцебиение Корнея Всеволодовича, когда старик проверял его каналы. Он слышал, как за дверью, на лестнице, студенты перешептываются о том, что случилось на полигоне.

«Нюхач проиграл».

«Нюхач сдался».

«Шереметьев размазал его по земле».

И когда он слышал это, внутри, в глубине груди, под рёбрами, начинал шевелиться холод. Не боль — холод. Это было чувство, которое он не мог описать словами. Смесь унижения, бессилия и тихой, давящей ярости, которую он не мог

выплеснуть, потому что не мог встать.

На двенадцатый день Корней Всеволодович разрешил ему ходить.

— Не больше десяти минут, — сказал старик, помогая ему подняться. — Если почувствуешь боль — сразу ложись. Не геройствуй.

Радогор кивнул. Он поднялся на ноги — медленно, опираясь на стену. Ноги дрожали, как у новорождённого жеребёнка. Мышечная масса, которую он наращивал месяц тренировок с Сабуровым, почти исчезла. Он знал, что это временно, но ощущение собственной слабости било по самолюбию острее, чем любой удар.

Он прошёл по комнате туда и обратно. Потом ещё раз. На третьем круге боль в рёбрах стала сильнее, и он вернулся на кровать.

— Хорошо, — сказал старик, кивая. — Завтра будет легче.

— Когда я смогу тренироваться? — спросил Радогор.

— Через неделю. Если не будет осложнений.

— Слишком долго.

— Это недолго. Это необходимо.

Радогор сжал челюсть, но промолчал.

На тринадцатый день к нему пришёл Сабуров.

Он вошёл без стука, остановился у двери, сложив руки на груди. Он выглядел так же, как всегда — широкоплечий, с бритым черепом, в короткой кольчуге поверх мундира. Но

Радогор чувствовал, что магистр напряжён. Запах его изменился — стал кислым, с металлическим привкусом. Вина.

— Потемкин, — сказал Сабуров, не здороваясь. — Ты выглядишь лучше, чем я ожидал.

— Спасибо, магистр.

— Я не за этим пришёл.

Он подошёл к кровати, присел на край, снял с пояса флягу, отпил, протянул Радогору. Тот покачал головой.

— Я должен был вмешаться, — сказал Сабуров, пряча флягу. — На дуэли. Я должен был остановить бой, когда он сломал тебе ребра. Я не сделал этого.

— Почему?

— Потому что ты принял вызов. Потому что ты сам выбрал этот путь. Потому что я думал, что у тебя есть шанс. — Сабуров помолчал, глядя в пол. — Я ошибся.

Радогор смотрел на него, не отрываясь. Слова магистра были горькими, но в них не было жестокости. Он не издевался. Он просто констатировал факт.

— Я проиграл, — сказал Радогор. — Это моя ошибка.

— Да. — Сабуров поднял глаза. — Твоя. Но я должен был предупредить тебя. Долгорукий — не просто наставник. Он — один из лучших боевых магов империи. То, что он сделал с Шереметьевым за месяц, — это чудо. Я должен был сказать тебе, что ты не готов. Я не сказал.

— Вы предупреждали меня. Вы сказали, что я слаб.

— Я сказал, что ты слаб. Но я не сказал, что ты можешь

умереть. — Сабуров встал, подошёл к окну. — Шереметьев мог убить тебя. Он не сделал этого только потому, что хотел унижить. Если бы он захотел, он бы раздавил тебя, как жука. И я не вмешался бы, потому что дуэль — это святое. Если бы я вмешался, Верховный князь потребовал бы моей головы.

— Я понимаю.

— Понимаешь ли? — Сабуров обернулся. — Ты — мой ученик. Я взял тебя, потому что видел в тебе что-то. Но то, что я увидел на дуэли, — это не то, на что я рассчитывал. Ты сдался. Ты не бился до конца. Ты просто лёг и сказал «сдаюсь».

Радогор молчал. Слова Сабурова резали глубже, чем любые удары.

— Ты думаешь, что я не знаю, что такое проигрывать? — продолжил магистр. — Я проигрывал. Много раз. Меня били, ломали, оставляли умирать. Но я никогда не сдавался. Потому что сдаться — значит признать, что ты слаб. А ты — не слаб. Ты просто боишься.

— Чего? — тихо спросил Радогор.

— Себя. — Сабуров посмотрел ему прямо в глаза. — Ты боишься того, что скрываешь. Я не знаю, что это, но я чувствую это. Когда мы дрались на спаррингах, я иногда чувствовал, как от тебя исходит что-то... нечеловеческое. Что-то древнее. И ты боишься этого. Ты боишься выпустить это наружу.

Радогор ничего не ответил. Сабуров был прав, и это было

хуже всего.

— Я отстраняю тебя от тренировок, — сказал магистр. — Не на время восстановления. Навсегда. Ты больше не будешь заниматься со мной.

— Почему? — спросил Радогор. В голосе его впервые за долгое время появилась дрожь.

— Потому что я не могу тренировать того, кто не готов сражаться до конца. Ты сдался. Ты предал себя. А если ты предаёшь себя, ты предашь и меня. — Сабуров развернулся к двери. — Я не хочу быть частью этого.

Он вышел, не попрощавшись.

Дверь закрылась. Радогор остался один.

Он сидел на кровати, сжимая руками простыню, и чувствовал, как внутри него, в груди, медленно просыпается холод. Не боль. Холод. Чувство потери, которое было сильнее, чем любое поражение.

«Ты потерял Сабурова, — сказал Михаил. — Ты потерял наставника, который верил в тебя».

«Я знаю».

«Ты потерял его из-за своей гордыни. Ты не послушал Корнея Всеволодовича. Ты пошёл на дуэль, когда не был готов. Ты сдался, когда мог сражаться до конца».

«Я знаю».

«Это твоя вина».

Радогор закрыл глаза и не отвечал.

Он просидел так до вечера. Когда в дверь постучали, он

не ответил. Дверь открылась, и вошла Варвара.

— Ты не спал? — спросила она, подходя к кровати.

— Нет.

— Я слышала, что Сабуров был здесь.

— Да.

— Он отстранил тебя?

— Да.

— Он дурак, — сказала Варвара, садясь на стул. — Ты проиграл один бой. Это не повод отказываться от тебя.

— Я сдался, — сказал Радогор. — Я сказал «сдаюсь». При всех.

— И что? — Варвара пожала плечами. — Ты жив. Ты восстановишься. Ты станешь сильнее. Сдаться — не значит проиграть. Проиграть — значит не встать.

Радогор посмотрел на неё. Она была серьёзной, и её голос не дрожал.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Я тоже сдавалась. — Она отвела взгляд. — Когда меня хотели выдать замуж за Долгорукого, я сказала «да». Я не сопротивлялась. Я сдалась. Но потом я сбежала. И теперь я здесь. Я сдалась, чтобы выжить. И я не виню себя за это.

Радогор молчал. Он не знал, что сказать.

— Ты должен встать, — сказала Варвара, вставая. — Не ради меня. Ради себя. Ты не можешь лежать здесь и жалеть себя. Шереметьев не будет ждать. Долгорукий не будет ждать. Они станут сильнее. Если ты не встанешь, ты проиг-

раешь навсегда.

Она вышла, оставив его одного.

Ночь спустилась на Академию, такая же холодная, как в тот день, когда он проиграл.

Но внутри него, где-то в глубине, под рёбрами, молния шевельнулась. Ещё слабо, ещё неуверенно, но она была жива.

Он не будет жалеть себя. Он встанет.

Но сначала он должен принять свою слабость. Принять то, что он больше не бог. Принять то, что он — просто человек, который пытается выжить.

И только тогда он сможет стать сильнее.

ГЛАВА 4: «ТРЕЩИНА»

Прошло три дня с того разговора с Сабуровым.

Радогор почти не выходил из лазарета — не потому, что не мог, а потому что не хотел. Он знал, что увидит в коридорах: взгляды студентов, полные смеси жалости и презрения. Он знал, что услышит за спиной: «Нюхач сдался», «Потемкин трус», «Шереметьев размазал его как мокрицу».

Он не был готов к этому. Не был готов смотреть в глаза тем, кто видел его поражение. Не был готов чувствовать запах их эмоций — кислый, сладковатый, приторный — запах чужого превосходства, от которого его тошнило.

Корней Всеволодович навещал его каждый день, но теперь он почти не говорил. Приносил зелья, проверял каналы, записывал что-то в свой блокнот. Иногда он смотрел на Радогора так, будто хотел что-то сказать, но в последний момент передумывал.

На четвёртый день после отстранения Радогор решил, что больше не может лежать.

Он поднялся с кровати, когда за окном только начинало сереть. Тело ещё болело, но уже не так сильно — рёбра срослись окончательно, лёгкое дышало свободно. Он оделся в свой старый мундир, тот самый, в котором проиграл дуэль, и, не оглядываясь, вышел из лазарета.

Коридоры были пусты. Он шёл быстро, не глядя по сторо-

нам, спустился по лестнице, миновал главные ворота и направился к старой лесопилке.

Туда, где никто не видел его.

Лесопилка встретила его всё тем же запахом гнилой древесины и сырости. Крыша провалилась ещё больше, чем в прошлый раз — часть перекрытий обрушилась, открывая небо. Внутри было темно, но света снаружи хватало, чтобы видеть.

Радогор остановился в центре зала и закрыл глаза.

Он пришёл сюда тренироваться. Не бегать, не отжиматься — он знал, что тело ещё не готово к этому. Он пришёл, чтобы поговорить с молнией.

Внутри, под рёбрами, она спала. Фиолетовый зверь, который должен был спасти его во время дуэли, но остался неподвижным, когда он нуждался в нём больше всего.

«Проснись», — мысленно сказал он.

Тишина.

«Я сказал, проснись».

Ничего. Только слабое, едва заметное шевеление, как будто зверь во сне повернулся на другой бок.

Радогор сжал кулаки. Он вспомнил дуэль. Вспомнил, как Шереметьев наступил ему на грудь. Вспомнил, как смеялась толпа. Вспомнил запах победы — сладкий, приторный, тошнотворный. Вспомнил, как он сказал «сдаюсь».

Боль от этих воспоминаний была острее, чем от любых рёбер.

«Ты должен был проснуться! — мысленно закричал он. — Ты должен был спасти меня! Почему ты не проснулся?»
И в ответ — тишина.

Молния не отвечала. Она просто лежала там, в глубине его груди, и не шевелилась. Как будто её не было. Как будто он потерял её навсегда.

Радогор открыл глаза. Внутри стало пусто. Не страх, не боль — пустота. Такая, какая бывает, когда теряешь что-то важное и не знаешь, как это вернуть.

Он попытался снова. Сосредоточился, вызвал в себе гнев, который помогал ему прошлый раз. Вспомнил Святогорова, его холодные глаза, его слова: «Ты умрёшь здесь». Вспомнил, как он убил его, как молния вырвалась из груди и прожгла каменную кожу насквозь. Вспомнил этот запах — запах озона, смешанный с кровью и горелой плотью. Запах победы.

Он поднял руку и попытался вызвать искру.

Ничего.

Он попробовал снова. Сосредоточился сильнее, напрягся так, что виски заболели. В груди шевельнулось что-то слабое, едва заметное, как дыхание, которое не может вырваться наружу.

Искра не появилась.

— Ты предала меня, — сказал он вслух. Голос его звучал глухо, пусто.

Тишина была ответом.

Он стоял на лесопилке, смотрел на свои руки и не знал,

что делать. Без молнии он был просто магом десятого ранга с ольфакторией и медвежьей силой, которой едва хватало, чтобы выжить в драке с обычным человеком. Шереметьев имел восемнадцатый уровень и тренировался с Долгоруким. Он был сильнее, быстрее, лучше подготовлен. И он не остановится. Он будет давить, пока Радогор не сломается окончательно.

«Что делать?» — спросил Михаил внутри.

«Не знаю», — честно ответил Радогор.

«Ты всегда знал».

«Я не знаю сейчас».

Он простоял так ещё несколько минут, пытаясь вызвать хоть искру, хоть отблеск, хоть признак того, что молния не умерла. Но ничего не происходило.

Тогда он повернулся и пошёл обратно в Академию.

По пути ему встретился Шуйский.

Рыжий парень стоял у ворот, переминаясь с ноги на ногу. Он выглядел взволнованным и бледным, под глазами залегли тени. Когда он увидел Радогора, он вздрогнул, но не убежал.

— Потемкин, — сказал он, когда Радогор поравнялся с ним. — Я хотел... я должен кое-что сказать.

— Говори, — ответил Радогор, не останавливаясь.

— Я слышал, что Сабуров отстранил тебя.

— Ты слышал правильно.

— Я... — Шуйский замялся, потом решился: — Я хочу помочь тебе.

Радогор остановился и посмотрел на него. Шуйский был тем, кто предупредил его о Святогорове. Тем, кто сдал его Долгорукому под давлением. Тем, кто был трусом. Но сейчас в его глазах было что-то новое — не страх, а решимость.

— Помочь мне? — переспросил Радогор. — Ты знаешь, что Шереметьев объявил всех, кто общается со мной, своими врагами.

— Знаю.

— И ты всё равно хочешь помогать?

— Я уже предал тебя однажды, — сказал Шуйский, и голос его дрогнул. — Я рассказал Долгорукому о Святогорове. Я не хотел, но он давил на меня, и я сломался. Я не хочу быть трусом. Не хочу больше быть трусом.

Радогор смотрел на него долго. Парень не врал — запах его был горьким, с примесью страха и стыда, но он был честен.

— Что ты можешь сделать? — спросил он.

— Я знаю одно место, — сказал Шуйский, оглядываясь по сторонам, словно боялся, что их услышат. — За старой лесопилкой. Там есть подземелье. Старое, заброшенное. Его не видно на картах Академии. Я нашёл его случайно, когда искал травы для алхимии. Там есть источник сырой магии. Небольшой, но он есть. Если ты сможешь восстановить свои каналы там...

— Откуда ты знаешь, что мои каналы повреждены?

— Я не знаю. Я просто думаю, что тебе нужно место, где

можно тренироваться тайно. Шереметьев ищет тебя, чтобы добить. Долгорукий не успокоится, пока не найдёт твою тайну. Ты не можешь тренироваться в Академии. А там — никто не увидит.

Радогор молчал. Идея была рискованной, но Шуйский не врал.

— Покажешь, — сказал он.

— Сегодня ночью. Через час, когда все уснут. Я буду ждать тебя у старых ворот.

— Я приду.

Шуйский кивнул, развернулся и быстро пошёл прочь.

Радогор остался стоять у ворот, смотря ему вслед. Внутри, в груди, молния по-прежнему молчала. Но что-то другое, какая-то новая, холодная решимость начала просыпаться в нём.

Он потерял Сабурова. Он потерял контроль над молнией. Он потерял уважение студентов. Но он не потерял себя.

«Ты всё ещё здесь», — сказал Михаил.

«Да, — ответил Радогор. — Я всё ещё здесь. И я буду бороться, пока жив».

Он повернулся и пошёл в сторону общежития, чтобы подготовиться к ночи.

ГЛАВА 5: «ДОНОС»

Ночь опустилась на Академию густая, тягучая, беззвёздная. Небо затянуло тучами так плотно, что даже лунный свет не пробивался сквозь них. В такой темноте можно было пройти в двух шагах от человека и не заметить его, если тот не хотел быть замеченным.

Радогор стоял у старых ворот ровно в назначенное время. Он не взял с собой ничего — ни кинжалов, ни фляги с водой, ни даже плаща. Только лёгкий мундир и сапоги, в которых можно было бежать и драться, если понадобится. Он не знал, можно ли доверять Шуйскому до конца. Парень уже предал его один раз — под давлением Долгорукого он рассказал о Святогорове. Теперь он предлагал помощь. Радогор знал, что это могла быть ловушка. Шуйский мог привести его в подземелье, где ждали бы люди Долгорукого. Или сам Долгорукий. Или Шереметьев, который хотел его смерти больше, чем воздуха.

Но Радогор пошёл. Потому что иного выбора у него не было.

Шуйский появился из темноты бесшумно, как тень. Он был одет в тёмное, лицо скрывал капюшон, но Радогор узнал его по запаху — резкому, кислому запаху страха, смешанному с запахом пота и влажной земли.

— Ты пришёл, — сказал Шуйский шёпотом, и в голосе

его слышалось облегчение.

— Я здесь, — ответил Радогор.

— Идём. Быстро. Я не хочу, чтобы нас увидели.

Он развернулся и быстро пошёл в сторону леса, держась тенистых мест, огибая открытые участки. Радогор следовал за ним, почти не отставая, хотя тело ещё не полностью восстановилось после травм. Рёбра ныли при каждом шаге, но боль была терпимой — он научился не обращать на неё внимания.

Они прошли мимо старой лесопилки, свернули на едва заметную тропинку, заросшую кустарником, и через несколько минут оказались у небольшого оврага. Шуйский остановился, прислушался, потом отодвинул в сторону пучок сухой травы и веток, обнажая вход в подземелье — узкий лаз, уходящий в темноту.

— Здесь, — сказал он, указывая на лаз. — Я нашёл это место месяц назад, когда искал корень горечавки. Внутри есть источник сырой магии. Маленький, но живой. Он не выходит наружу, поэтому его никто не замечает. Долгорукий не знает о нём.

— Как ты нашёл его? — спросил Радогор.

— Я почувствовал. — Шуйский пожал плечами. — Я не такой сильный, как ты или Шереметьев, но я чувствую магию. Она течёт под землёй, как вода. Этот источник — как ручеек. Маленький, но чистый.

Радогор принялся. Запах из лаза шёл слабый, но отчёт-

ливый — влажная земля, гниль, и что-то ещё. Сырая магия. Такая же, как в подвале Академии, но слабее. Он чувствовал её кожей, каждой клеткой. Она манила его, обещая силу, восстановление, новую надежду.

— Ты знаешь, что будет, если Долгорукий узнает, что ты привёл меня сюда? — спросил Радогор.

— Знаю, — сказал Шуйский, и голос его дрогнул. — Он уничтожит меня. Исключит из Академии. Отправит в рудники. Или хуже — сделает меня примером для других.

— И ты всё равно пришёл.

— Потому что я не хочу быть трусом, — тихо сказал Шуйский. — Я уже один раз предал тебя. Я не хочу предавать второй раз.

Радогор смотрел на него долго. Парень не врал — в его запахе не было лжи, только страх и желание искупить вину. И это было ценнее, чем любое обещание.

— Спасибо, — сказал Радогор.

Он шагнул к лазу, но Шуйский остановил его.

— Потемкин, — сказал он. — Там темно. Холодно. Источник питает только сырую магию — ты не сможешь сразу использовать её для культивации. Тебе нужно будет привыкнуть. И будь осторожен — я чувствую, что внизу что-то есть. Я не знаю, что именно, но я чувствую это. Живое. Не опасное, но живое.

Радогор кивнул.

— Я справлюсь, — сказал он.

Он опустилсЯ на колени и начал спускаться в лаз.

Стены были узкими, шершавыми, покрытыми глиной и корнями. Он пробирался вниз, сгибаясь почти вдвое, и с каждым шагом запах сырой магии становился сильнее. Она обволакивала его, проникала через кожу, через поры, заставляя каналы пульсировать слабым, едва заметным теплом.

Через несколько минут лаз расширился, и он смог выпрямиться.

Он стоял в небольшой пещере. Здесь было влажно, темно, но в центре, на полу, виднелось тусклое свечение — небольшое углубление, заполненное мутной, светящейся жидкостью. Источник. Маленький, слабый, но живой.

Радогор подошёл к нему и опустилсЯ на колени. Он провёл рукой по поверхности — вода была тёплой, пульсирующей, как живое сердце. Она отдавала магией, слабой, но чистой.

Он прикрыл глаза и начал дышать. Медленно, глубоко, как учил Корней Всеволодович. Вдыхая, он представлял, как магия входит в него через лёгкие, через кожу, через каждую пору. Выдыхая — как старая, застоявшаяся, больная энергия покидает его тело.

Каналы отозвались. Сначала слабо, потом сильнее. Они начали пульсировать, наполняться теплом, которое он почти забыл.

«Оно работает», — сказал Михаил.

«Да», — ответил Радогор.

Он сидел у источника и впитывал магию, как иссохшая земля впитывает дождь. Боль уходила. Слабость отступала. Каналы, которые были забиты после дуэли, начали расширяться, очищаться, наполняться новой энергией.

Прошло несколько часов. Он не знал, сколько именно — время в пещере текло по-другому, медленно, тягуче, как мёд. Когда он открыл глаза, то почувствовал, что стал сильнее. Не намного, но достаточно, чтобы заметить.

Он встал, потянулся, чувствуя, как мышцы напрягаются и расслабляются. Рёбра почти не болели. Лёгкие дышали полной грудью. Тело восстанавливалось быстрее, чем он ожидал.

«Ты должен возвращаться», — сказал Михаил. — «Скоро рассвет. Шуйский ждёт».

Радогор кивнул. Он оглядел пещеру ещё раз, запоминая каждую деталь, каждый запах. Потом развернулся и начал подниматься обратно.

Шуйский ждал у входа. Он сидел на корточках, обхватив руками колени, и вздрагивал при каждом звуке. Когда Радогор вылез из лаза, он облегчённо выдохнул.

— Ты был долго, — сказал он. — Я уже думал, что с тобой что-то случилось.

— Всё в порядке, — ответил Радогор. — Это место — настоящее сокровище. Спасибо тебе.

— Не благодари, — Шуйский покачал головой. — Я делаю это не для тебя. Я делаю это для себя.

Они быстро покинули овраг и направились обратно к Академии. Небо на востоке начинало светлеть, но в лесу было ещё темно. Они шли молча, каждый думал о своём.

Когда они вышли из леса и увидели стены Академии, Шуйский остановился.

— Мне нужно идти, — сказал он. — Я не хочу, чтобы кто-то видел нас вместе.

— Иди, — сказал Радогор. — Я запомню это место.

Шуйский кивнул и быстро пошёл к боковому входу в Академию. Радогор остался стоять у кромки леса, глядя на стены, которые стали для него и домом, и тюрьмой.

Он чувствовал себя сильнее. Каналы наполнились магией, тело восстанавливалось. Но внутри, где-то в глубине, молния по-прежнему молчала. Она не проснулась, даже когда он касался источника. Она просто лежала там, холодная, неподвижная, как мёртвый зверь.

«Почему она не просыпается?» — спросил Михаил.

«Потому что я боюсь её», — честно ответил Радогор. — «Я боюсь выпустить её наружу. Я боюсь, что она уничтожит меня. И пока я боюсь, она спит».

«Ты должен перестать бояться».

«Я знаю. Но это не так просто».

Радогор развернулся и пошёл к Академии. Он должен был успеть в свою комнату до того, как проснутся студенты.

Но он не знал, что за ним уже наблюдают.

Варвара стояла в тени старого дуба, в ста шагах от ворот.

Она видела, как Радогор и Шуйский вернулись из леса. Видела, как они разошлись. Видела, как Радогор остановился и посмотрел на стены.

Она видела всё.

И она видела, как из груди Радогора, на мгновение, вырвалась слабая фиолетовая вспышка. Короткая, едва заметная, но Варвара заметила её.

Она замерла, прижавшись к дереву. Сердце колотилось где-то в горле.

«Что это было? — подумала она. — Что он скрывает?»

Она знала, что Радогор хранит тайну. Она чувствовала это с первого дня знакомства. Но она не ожидала увидеть нечто подобное.

Фиолетовая вспышка. Магия, которую она никогда не видела раньше.

Варвара выдохнула, развернулась и пошла обратно в Академию. Она не знала, что делать с этой информацией. Она не знала, кому можно доверять. Но она знала одно: она должна узнать правду.

Утро началось как обычно. Студенты собирались в столовой на завтрак, преподаватели ходили по коридорам, в воздухе витал запах варёной каши и серого хлеба. Радогор сидел за своим столом в углу, как всегда, и медленно ел кашу, заставляя себя глотать даже через силу.

Он чувствовал себя лучше, чем вчера. Каналы гудели от сырой магии, которую он впитал у источника, но внутри всё

ещё была пустота. Молния молчала. Она не отвечала на его призывы, как будто её никогда не существовало.

«Ты должен дать ей время», — сказал Михаил.

«У меня нет времени, — ответил Радогор. — Шереметьев не будет ждать. Долгорукий не будет ждать. Если я не восстановлю силу до следующей встречи, я умру».

Он доел кашу, поднялся и направился к выходу. В дверях столовой он столкнулся с Варварой.

Она смотрела на него странно — не как обычно, с лёгкой усмешкой и любопытством. Теперь в её взгляде было что-то новое. Настороженность. Изучение. Словно она видела его впервые.

— Потемкин, — сказала она. — Я хочу поговорить.

— О чём?

— Не здесь. — Она оглянулась, убедилась, что никто не слышит. — Вечером. У старых ворот. Приходи один.

— Зачем?

— Я должна кое-что тебе сказать.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь.

Радогор смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри, в груди, начинает шевелиться холодная тревога.

«Она что-то видела», — сказал Михаил.

«Да, — ответил Радогор. — Она видела молнию».

Вечером он стоял у старых ворот, как и договаривались. Ночь была такой же тёмной, как вчера, только ветер стал

сильнее и холоднее, пробирая до костей.

Варвара пришла через несколько минут. Она была без плаща, в лёгком мундире, и казалась замёрзшей.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Радогор, не дожидаясь, пока она заговорит первой.

— Я видела тебя прошлой ночью, — ответила она. — Ты возвращался из леса с Шуйским. У тебя из груди шла фиолетовая вспышка.

Радогор молчал. Сердце билось ровно, но внутри, где-то глубоко, шевелился страх.

— Что это было? — продолжила Варвара. — Я никогда не видела такой магии. Это не ольфактория. Не медвежья сила. Это что-то другое.

— Ты не должна была видеть, — сказал Радогор.

— Но я увидела. — Она сделала шаг вперёд. — Ты должен сказать мне правду. Я не буду никому рассказывать, но я должна знать.

— Зачем?

— Потому что ты мне нужен, — сказала она, и в голосе её прозвучала отчаяние. — Ты нужен мне. Я не хочу терять союзника. И если ты скрываешь что-то важное, я хочу знать, что именно.

Радогор смотрел на неё долго. Он видел в её глазах страх, надежду и что-то ещё, чего он не мог понять. Она была уязвимой, как и он. Она тоже была изгоем, и она тоже искала силы.

— Это моя тайна, — сказал он. — Я не могу рассказать тебе всё.

— Тогда скажи хотя бы часть.

Радогор помолчал. Ветер гулял по лесу, шумел листвой, и запах приближающейся зимы заполнял всё вокруг.

— У меня два аспекта магии, — сказал он. — Ольфактория — первый. Второй — гроза. Молния. Я получил его случайно, когда пил зелье для расширения каналов. Это не должно было случиться, но случилось.

Варвара смотрела на него, не моргая. Она не улыбалась, не отводила взгляд. Она просто слушала.

— Поэтому ты боялся использовать её во время дуэли, — сказала она. — Потому что если бы ты её использовал, все узнали бы.

— Да.

— И теперь ты потерял контроль над ней.

— Да.

Варвара молчала долго. Потом, неожиданно, она улыбнулась — устало, но с облегчением.

— Ты дурак, Потемкин, — сказала она. — Ты мог сказать мне это раньше.

— Я не доверял тебе.

— А теперь доверяешь?

— Не знаю. Но я сказал тебе правду.

Она кивнула, словно это было всё, что ей нужно.

— Я не расскажу никому, — сказала она. — Но если ты

будешь продолжать скрываться и бояться, ты проиграешь. Шереметьев не остановится. Ты должен научиться использовать свою силу. Даже если это страшно.

— Я знаю.

— Тогда начни. — Она развернулась и пошла к воротам.

— Я помогу тебе, если понадобится. Но не жди, что я буду жалеть тебя.

Радогор смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри, в груди, что-то начинает меняться. Молния, которая спала так долго, пошевелилась. Слабо, едва заметно, но она пошевелилась.

«Ты начал доверять», — сказал Михаил.

«Да, — ответил Радогор. — И это страшно».

Он повернулся и пошёл в сторону общежития. Ночь была холодной, но внутри него начинало теплеть.

ГЛАВА 6: «НОВЫЙ ВРАГ»

Три дня прошло с того разговора у старых ворот. Три дня Радогор каждую ночь спускался в подземелье к источнику сырой магии, сидел у мутной светящейся воды, впитывал её силу, пытался достучаться до молнии. Она шевелилась — слабо, неуверенно, как зверь, который просыпается от долгой спячки, но ещё не готов встать. Он чувствовал её там, под рёбрами, рядом с сердцем, но она не откликалась на его призывы. Словно боялась его так же сильно, как он боялся её.

На четвёртое утро он проснулся от странного чувства. Что-то изменилось в воздухе Академии. Запах стал другим — более плотным, тягучим, с металлическим привкусом, который он не мог объяснить. Ольфактория обострилась до предела, и теперь он чувствовал даже то, чего не должен был чувствовать: дыхание спящих студентов за три стены, скрип половиц под ногами стражников, мерный гул магии, которая текла по каналам преподавателей.

Он оделся и вышел в коридор. Утро только начиналось, но в воздухе уже витало напряжение, как перед грозой. Студенты перешёптывались, оглядывались по сторонам, и в их запахах Радогор чувствовал смесь страха и любопытства.

— Ты слышал? — донёсся до него голос из-за угла. — К нам приехал инспектор. От самого Верховного князя.

— Долгорукий? — спросил второй голос. — Он же и так здесь.

— Нет, другой. Говорят, старый маг, один из приближённых. Он будет проверять Академию.

Радогор остановился. Приближённый Верховного. Это означало только одно — его тайна перестала быть локальной проблемой. Верховный князь заинтересовался Академией Чёрного Клена. И если он прислал своего человека, значит, он что-то подозревает.

«Долгорукий доложил наверх, — подумал он. — Он не смог найти мою тайну сам, но он почувствовал, что она есть. И теперь он привлёк внимание тех, кто сильнее его».

«Ты должен быть осторожен», — сказал Михаил внутри. — «Этот новый инспектор может оказаться опаснее Долгорукого».

«Я знаю».

Радогор пошёл дальше по коридору, стараясь не привлекать внимания. Он прошёл мимо группы студентов, которые смотрели на него с плохо скрываемым интересом, и направился к западной башне, где находился кабинет Корнея Всеволодовича.

Старик встретил его на пороге, словно ждал.

— Ты слышал? — спросил Корней Всеволодович, впуская его в комнату и закрывая дверь.

— Да. Новый инспектор. От Верховного князя.

— Его зовут Василий Долгорукий-старший, — сказал ста-

рик, и голос его звучал глухо, словно он говорил о чём-то очень плохом. — Двоюродный дед того самого Долгорукого, который тренирует Шереметьева. Он старше, опытнее, и его магия разума настолько сильна, что он может прочесть мысли человека, даже не прикасаясь к нему. Если он решит копать, он найдёт всё.

— Что мне делать?

— Ничего. — Корней Всеволодович подошёл к окну, посмотрел на серое утреннее небо. — Ты будешь вести себя как обычный студент. Ты будешь ходить на занятия, есть в столовой, спать в своей комнате. Ты не будешь тренироваться ночью. Ты не будешь посещать источник. Ты не будешь делать ничего, что может привлечь его внимание.

— Но если он использует магию разума...

— Я поставлю на тебя блокировку, — сказал Корней Всеволодович, оборачиваясь. — Старую, сложную, такую, которую даже Долгорукий-старший не сможет пробить без риска повредить твой разум. Это опасно, но это единственный способ защитить твою тайну.

— Что за блокировка?

— Защита от проникновения. Она будет держать твой разум закрытым, как замок. Если Долгорукий попытается проникнуть внутрь, он наткнётся на стену. Он не сможет её пробить, но он поймёт, что она есть. И он заинтересуется, почему у обычного студента с презренным даром такая мощная защита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.